

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

<https://elibrary.ru/YQBGPIX>

П.М. БИЦИЛЛИ КАК ТЕОРЕТИК ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

© 2024 г. М.Э. Байссвенгер

Аннотация: Данная статья посвящена анализу малоизвестной работы П.М. Бицилли начала 1930-х гг. о прошлом, настоящем и будущем европейского объединения. Откликнувшись своей статьей на так называемый «План Бриана» 1929–1930 гг. и концепцию «Пан-Европы» Р.Н. Куденхове-Калерги, Бицилли развивает собственное видение объединения Европы. В центре его концепции стоит преодоление обособленности национальных государств при помощи того, что нация освобождается из-под давления государства и становится, по мысли Бицилли, чисто духовной сущностью, — так же, как и будущие «Соединенные Штаты Европы». Работа Бицилли является важной частью малоизученной русской дискуссии о процессе европейского объединения, в которой участвовали различные авторы — от политиков В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого до юристов Я.А. Новикова и А.А. Гольденвейзера.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Пан-Европа, План Бриана, европейское объединение, русская эмиграция, нация, государство, религия.

Информация об авторе: Мартин Эрвин Байссвенгер — PhD, доцент, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-9276>

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Для цитирования: Байссвенгер М.Э. П.М. Бицилли как теоретик европейского объединения // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева,

науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 345–366.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

Research Article

PIOTR BITSILLI AS THEORIST OF EUROPEAN UNIFICATION

© 2024. Martin E. Beisswenger

Abstract: This article analyzes a little-known essay by Piotr M. Bitsilli of the early 1930s on the past, present and future of European unification. Responding to the so-called “Briand Plan” (1929–1930) and the concept of “Pan-Europe” by R.N. Coudenhove-Kalergi, Bitsilli develops his own vision of a future united Europe, which will be achieved through the transformation of European nation-states. This transformation, in Bitsilli’s view, will be caused by the liberation of the nation from the domination of the state, turning the nation — and a future “United States of Europe” — into a purely spiritual entity. Bitsilli’s essay represents an important contribution to the largely understudied Russian discussion on the process of European unification that also involved a variety of other authors: from politicians, such as V.I. Lenin and L.D. Trotsky, to jurists, such as Ia.A. Novikov and A.A. Goldenweizer.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Pan-Europe, Briand Plan, European Unification, Russian emigration, nation, state, religion.

Information about the author: Martin E. Beisswenger, PhD, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St. 21/4, 105066 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-9276>

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

For citation: Beisswenger, Martin E. “Piotr Bitsilli as Theorist of European Unification.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev,

ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 345–366. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

Среди ученых и мыслителей Русского зарубежья П.М. Бицилли занимает неординарное место. Его научное творчество, необычайное по своей широте и глубине, было выдающимся даже по меркам русской эмиграции, включавшей в себя многих видных представителей русской интеллигенции. Идеи и труды Бицилли-историка, публициста, литературоведа и языковеда в последние годы уже стали предметом многочисленных исследований¹. Неоднократно переиздавались и его работы, заполнившие собою многостраничные сборники [12; 13; 14; 15]. Отдельной главой в историографии о Бицилли стала история его сложного и многогранного сотрудничества с так называемым Евразийским движением [2; 4]. Тем не менее, как нам кажется, круг интересов Бицилли включал в себя еще один неожиданный аспект, который пока остался вне внимания исследователей. Речь здесь пойдет о Бицилли как теоретике европейского объединения.

Будучи историком западного средневековья и внимательно наблюдая за современной ему европейской литературой и публицистикой, Бицилли, безусловно, был тесно связан с европейской интеллектуальной жизнью. Он обращал пристальное внимание на творчество европейских ученых, литераторов и публицистов. Однако взгляд Бицилли был обращен не только на прошлое и настоящее, но и на будущее Европы. В начале 1930-х гг. он выступил в неожиданной роли, опубликовав содержательную и одновременно критическую статью «U.S.E.?» о процессе современного ему и будущего европейского объединения [16]. Эта статья Бицилли стоит несколько особняком в его научном творчестве и, насколько нам известно, пока не привлекала специального внимания исследователей. В отличие от множества других его трудов, испытавших неоднократные переиздания, она в русском оригинале никогда не была переиздана, оставшись малодоступной журнальной публикацией². В то же время статья связана с другими тематическими «блоками», над которыми Бицилли работал на рубеже 1930 х гг., в первую очередь с его про-

¹ Последней крупной работой о Бицилли стала его биография, написанная М.А. Бирманом [3].

² В 2004 г. она была переиздана на болгарском языке [3, с. 356].

ектом «философии нации» [3, с. 114–116]. В целом, как представляется, статья позволяет не только осветить интеллектуальное наследие Бицилли с новой и неожиданной стороны, но и показать его как внимательного наблюдателя современных ему общественно-политических процессов.

Теории «объединенной Европы»

Когда Бицилли обратился к идее «Европы», он, безусловно, не был первопроходцем среди русских мыслителей [5; 6]. Эта тема, как хорошо известно, занимала в русской мысли одно из центральных мест, выступая, как правило, в качестве противопоставления к теме «России» [10]. Однако «Европа» имела и самостоятельное звучание. Примечательно, что в дореволюционной России жил один из более видных теоретиков объединенной Европы — Яков Александрович Новиков (1849–1912), уроженец Одессы — так же, как и Бицилли³. Юрист по образованию, предприниматель по профессии и пацифист по призванию, Новиков в своей книге «Федерация Европы» («La Fédération d'Europe») проповедовал создание Европейской Федерации. Он видел в ней не только средство для предотвращения будущих войн между государствами, но и способ достижения более справедливого и благополучного сосуществования как в Европе, так и во всем мире. Книга Новикова была широко растиражирована: изначально она была опубликована в 1895 г. на итальянском языке, а затем в 1901 г. вышла по-французски и по-немецки. Однако о самом авторе известно очень мало, если не считать сведений о том, что он провел большую часть своей жизни в Одессе и был активным членом различных торгово-промышленных комитетов. Большинство его книг было написано и опубликовано по французски. Поэтому исследователи обычно не обращают внимания на российский контекст, в котором формировались его идеи. И даже имя его обычно приводится на французский манер как «Jacques Novicow»⁴.

Позднее тема объединенной Европы перекочевала и в труды русских политических деятелей, в том числе «вождя пролетариата» В.И. Ленина. В своей критической статье «О лозунге “Соединенные Штаты Европы”» (1915) он негативно оценил перспективы европей-

³ Вопрос о том, был ли Бицилли знаком с Новиковым и его книгой, требует более подробного изучения.

⁴ О миротворческом проекте Новикова см. статью К. Аллено [7]. О международных научных контактах Новикова см. статью С. Аль-Матари [1].

ского объединения, по крайней мере, в рамках капиталистического строя. Если в политическом плане лозунг будущих «республиканских Соединенных Штатов Европы» он признавал «совершенно неизлечимым», то экономическая составляющая вызывала у него серьезные сомнения. Ленин утверждал:

С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны [18, с. 352].

Свершившаяся вскоре «великая русская революция» не сняла тему «Европы» с повестки дня. Напротив, она продолжала занимать одно из центральных мест в мыслях и трудах русских философов и литераторов, в особенности под влиянием выхода в свет нашумевшей книги «Закат Европы» за авторством немецкого мыслителя Освальда Шпенглера⁵. Видение Европы в эти годы, впрочем, претерпело существенные изменения. Так, до кризиса Первой мировой войны и Русской революции будущее «Европы», в том числе объединенной Европы, в целом виделось положительным. Этому не мешали ни отдельные голоса пессимистов, ни вызовы единой Европе со стороны идеологии национализма. Однако после Первой мировой войны европейская тематика окрасилась в кризисные цвета: европейские и русские авторы писали о чувстве тревоги и страха перед политическим, но также культурным уничтожением Европы⁶.

Контраст между восприятием будущего объединенной Европы в XIX в. и в межвоенный период, пожалуй, нельзя обнаружить более отчетливо, чем при сравнении известной речи Виктора Гюго о «Соединенных Штатах Европы» (1849) с книгой графа Р.Н. Куденхове-Калерги «Пан-Европа» (1923). Оба автора выдвигали схожие проекты, но они были выдержаны в совершенно различных тонах. Речь Гюго была полна веры в прогресс человечества. В ней не только сквозил оптимизм в отношении возможности учреждения «Соединенных Штатов Европы», но и утверждалась неизбежность их создания:

⁵ См., например, сборник со статьями Н.А. Бердяева, Я.М. Букшана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка [21].

⁶ См., например, книгу Дени де Ружмона, особенно часть 6 («Europe at Issue: From Spengler to Ortega») [11, p. 337–362].

...мир во всем мире, неразрывное единение всех наций, признание Евангелия верховным законом, замена войны мирным посредничеством... Я не только говорю, что эта цель достижима, я говорю: она несомненно будет достигнута; можно только отсрочить или приблизить этот момент — вот и все [17, с. 207].

Шестью десятилетиями спустя Куденхове рисовал совершенно иную Европу — находящуюся в глубоком, смертельном кризисе [26]. В отличие от Шпенглера, его современника, этот кризис для Куденхове имел не «биологическую», а политическую природу. При этом, Куденхове был убежден, что времени для спасения Европы осталось совсем мало. «Завтра уже может быть слишком поздно для решения Европейского Вопросы», — утверждал он, указывая на нависшую над Европой угрозу со стороны США — с запада и СССР — с востока [26, р. 8]. Его взгляду рисовались апокалиптические картины настоящего и будущего:

Мировое господство Европы навсегда разрушено. <...> Из своей доминирующей позиции она была вытеснена на оборонительную позицию: под военной угрозой со стороны русского вторжения — под экономической угрозой со стороны превосходящей организацией Америки; Европа в долгах, расколота, беспокойна, ослаблена; разорвана национальными и социальными конфликтами. <...> Так она из отчаянного настоящего идет навстречу неизвестному будущему [26, р. 15]⁷.

Для преодоления современного ему кризиса Куденхове предложил концепцию «Пан-Европы», которая была, в первую очередь, философским и историсофским конструктом. Говоря о проекте политического объединения европейских государств, Куденхове не поясняет, как именно должен формироваться его панъевропейский союз, и какую политическую роль в нем должны были играть отдельные нации и государства. Утверждая, что нация — это не общество, основанное на общности крови, а «царство духа [Reich des Geistes]» и что «вся современная культура в Европе национальна» [26, р. 128], Куденхове так и не предложил практическое решение вопроса о национальном государственном суверенитете. Высказываясь по-разному по этому поводу в разное время, он, в конце концов, выступил за сохранение суверенитета, т. е. предпочел союз

⁷ Здесь и далее все выделения курсивом в оригинале.

суверенных государств (*Staatenbund*) федеративному государству (*Bundesstaat*) [8, p. 18].

Несмотря на кризисные настроения, а вероятнее всего, именно благодаря им, после Первой мировой войны идея европейского объединения, приобрела удивительную популярность. Межвоенные годы можно даже назвать «золотым веком» проектов объединенной Европы и бурного их обсуждения в самых разных контекстах и с самых разных точек зрения [9]. Для России советской и эмигрантской эта тема также оказалась чрезвычайно актуальна, причем в центре дискуссий оказалась именно книга-манифест Куденхове «Пан-Европа».

Хотя труд Куденхове был опубликован в октябре 1923 г., с идеями его автора в Советской России были хорошо знакомы уже до этого — по-видимому, по статье Куденхове «Пан-Европа. Проект», опубликованной в конце 1922 г. в одной из венских газет [27]. На идею объединения Европы на страницах газеты «Правда» в июне 1923 г. откликнулся не кто иной, как Л.Д. Троцкий. Вопреки скептическим взглядам Ленина на этот вопрос, Троцкому идея «Соединенных Штатов Европы» понравилась. Он утверждал, что этот лозунг стоит «в том же историческом плане, что и лозунг “правительства рабочих и крестьян”»: это переходной лозунг, указывающий выход, открывающий перспективу спасения и тем самым толкающий трудящиеся массы на революционный путь» [25]. В отличие от Ленина, Троцкий видел в объединенной Европе силу революционную, а не реакционную. Европа должна была объединиться экономически, преодолеть ограничения пост-версальского экономического порядка, в частности недавно созданные таможенные барьеры; иначе Европе грозили бы деградация и распад. Только как «Соединенные Штаты Европы», пророчил Троцкий, Европа могла стать революционной силой и продвигать мировую революцию.

Идея европейского объединения и, в частности, книга Куденхове также широко обсуждались в эти годы среди мыслителей русского зарубежья. Например, в Берлине в мае 1926 г. с докладом «Лига Наций или Соединенные Штаты Европы» выступил эмигрантский юрист и еврейский общественный деятель А.А. Гольденвейзер. Докладчик поддержал идею объединенной Европы, выдвинутую Куденхове, видя в ней промежуточное звено между национальными государствами, с одной стороны, и Лигой Наций — с другой. С ее помощью, полагал он, можно было бы вывести Лигу Наций из того кризисного состояния, в котором она тогда находилась. Однако Гольденвейзер счел «весьма спорным» утверждение Куденхове, что

в «Пан-Европу» не войдут ни Великобритания, ни Россия. Он согласился, что «Советской России нет места ни в Лиге Нации, ни панъ-европейском объединении». Однако он был убежден, что «грядущая демократическая Россия будет здесь и там желанным и почетным сочленом» [24].

Почти два года спустя, в марте 1928 г., там же, в Берлине, вопрос об объединенной Европе был вновь поднят — на тот раз журналистом и мыслителем Г.А. Ландау в докладе «Сверхгосударственные объединения». В отличие от Гольденвейзера, Ландау считал «Пан-Европу» Куденхове «неосуществимой» и не годной для решения современных международных проблем. «Европейские державы <...> имеют значительные внеевропейские интересы и разделены органическим европейским соперничеством; материковый признак не исчерпывает <их> основных интересов», — утверждал Ландау. Вместо создания «Пан-Европы», предположил он, «народы, ища выхода, должны вернуться к старым формулам — к строительству империй» [23].

«План Бриана»

Продолжавшиеся все 1920-е гг. дебаты о европейском объединении к концу десятилетия приобрели новую динамику в связи с тем, что министр иностранных дел Франции Аристид Бриан выдвинул собственный план создания «Европейского союза», отталкиваясь от панъевропейской идеи Куденхове. Изначально план был представлен в речи Бриана в Лиге Наций в сентябре 1929 г. За устным докладом последовал письменный меморандум, опубликованный в мае 1930 г.: в нем Бриан более детально изложил свои основные идеи. Письменный меморандум очертил ключевые принципы «морального союза Европы», который должен был создать «постоянную систему солидарности на основе согласия о рациональной организации Европы». Согласно Бриану, «узы солидарности» в рамках этого союза позволили бы «европейским нациям реализовать свое географическое единство и заключить в рамках Лиги региональное соглашение» [28, р. 1181–1182]. Призывая к европейской солидарности и даже предполагая создание регулярно действующей «Европейской конференции», план Бриана, в то же время, не шел так далеко, чтобы попытаться ограничить суверенитет государств — его членов. Напротив, в документе недвусмысленно говорилось о том, что

европейское политическое сотрудничество должно ориентироваться <...> на принцип федерации, построенной на идее не единства, но

союза; или, говоря иными словами, быть достаточно гибким, чтобы уважать независимость и национальный суверенитет каждого из ее Государств [28, p. 1185].

Речь Бриана перед Лигой Наций и представленный им более развернутый «план» дали толчок новому кругу дискуссий о будущем единой Европы и в среде русской эмиграции. Например, берлинская эмигрантская газета «Руль» сообщила и о речи, и о «плане» на титульном листе своего издания [19; 20]. Меморандуму была также посвящена передовица газеты, в которой автор, поддержав план Бриана в принципе, засомневался в его своевременности.

Явно, что если Европейский Союз осуществится, он должен ослабить суверенитет отдельных государств и стремиться вытеснить Лигу из сферы своей компетенции. <...> Не слишком ли рано выставлен этот план? Бриан думает, что время для него исключительно благоприятное. Откуда это предположение и основательно ли оно» [22], —

в этом заключались основные сомнения автора «Руля».

Прямой реакцией на меморандум Бриана явилась и статья Бицилли, опубликованная под названием «U.S.E.?» в 45-й книжке за 1931 г. парижского журнала «Современные записки». «Е», заменившая в понятной аббревиатуре букву «А», отражала основное содержание статьи, которая была посвящена проекту «Соединенных Штатов Европы». Опираясь на глубокие познания в области современной европейской интеллектуальной истории и литературы, Бицилли сформулировал в этом тексте собственное — оригинальное и многогранное — видение будущего европейского объединения и европейской интеграции. Статья Бицилли не сводилась к абстрактным метафизическим рассуждениям о будущем единой Европы. Не являлась она и практическим планом по созданию европейского объединения. В этой работе Бицилли, скорее, попытался переосмыслить в едином синтезе как историософские, так и практические аспекты будущих «Соединенных Штатов Европы». Статья предлагала пронизательный анализ процесса объединения Европы того времени, но также, подспудно, выдавала ясное видение Бицилли себя как европейца.

«План Бриана» как «негодная утопия»

Бицилли, отталкиваясь в своих рассуждениях от плана Бриана, с самого начала дал понять, что его цели не ограничиваются обсуж-

дением политических аспектов этого проекта. В целом, он оценивал план критически — «как показатель известной общей тенденции в развитии нашей цивилизации, вернее — как пример того, как обычно подобные тенденции извращаются практическими политиками» [16, с. 362]. Подобное «извращение» Бицилли увидел в том, что план Бриана содержал по своей сути две идеи, которые едва ли были совместимы. С одной стороны, это была «идея солидарности европейских народов и государств», а с другой — «идея независимости — “самоопределения” — этих народов» [16, с. 362]. В основе данного противоречия, по мнению Бицилли, лежал принцип национального суверенитета. Если согласиться с тем, что «общество, наделенное суверенитетом, *есть Нация*» [16, с. 362], то это определение полностью пренебрегает проблемой национальных меньшинств. Эту проблему, согласно Бицилли, Бриан просто игнорировал, предполагая, что все меньшинства рано или поздно должны исчезнуть, будучи ассимилированными в «чистые» национальные государства. Такой подход был присущ всем современным политикам, которые, как утверждал Бицилли, использовали понятие «нация» и «государство» как взаимозаменяющие, часто путая их значение. Результатом, по мнению Бицилли, был «чистый догматизм — что Государство *непрерывно* должно быть национальным и Нация *непрерывно* должна стремиться к огосударствлению» [16, с. 364].

Бицилли же, напротив, утверждал, что отождествление нации и государства совершенно необоснованно. В его понимании, «нация» определяется только одной постоянной характеристикой, а именно языком. Язык, как утверждал он, это «душа» народа, ибо нация есть психическая величина» [16, с. 364]. Следовательно, нации можно было концептуализировать различными способами, и

вопрос о более справедливом и целесообразном устройстве европейского (а может быть, и не только *европейского*) человечества, как совокупность *Наций*, может быть решаем и независимо от вопроса о национально-государственных границах [16, с. 364].

Бицилли даже считал возможным найти *modus vivendi* для всех наций, в результате чего проблема межгосударственных границ утратила бы значение.

«Старое» и «новое» средневековье

Критикуя план Бриана, а вместе с ним и принципы «Пан-Европы» Куденхове, от которых отталкивался Бриан, Бицилли выдвинул аль-

тернативный проект, который он сам считал утопичным, но в то же время более многообещающим и перспективным, чем «утопию» Бриана или Куденхове. Бицилли, безусловно, поддерживал идею европейского объединения, однако считал, что это объединение должно строиться на иных принципах. Он сомневался в том, что Европу можно объединить так, как предлагал это сделать Куденхове, выдвинувший идею «высшей нации», которая существовала бы поверх традиционных европейских национальных государств. Куденхове, очевидно, следовал модели американского и германского объединения. Однако Бицилли был убежден, что эта модель неприменима к Европе. Во-первых, американское и германское объединение являлись динамичным процессом, где речь не шла о стабильных «нациях» или «государствах». Во-вторых, Европе недоставало центральной и самой существенной, по мнению Бицилли, черты «нации»: общего языка. Конечно, у Европы имелась общая культура, но эта культура, уходящая корнями в средневековье, была по сути своей религиозной. Следовательно, как считал Бицилли, именно религиозные основы Европы являлись той исходной точкой, от которой должны были отталкиваться все размышления о европейском объединении [16, с. 367–368].

Необходимость обращения к религиозным основам и к опыту средневековья Бицилли объяснял тем, что в Средние века Европа была более объединенной, чем в современности. Следуя Шпенглеру и другим мыслителям, он считал современную Европу, ее культуру и идею «европеизма» чрезмерно рационалистичными, неизбежно ведущими к культурному кризису. Относясь скептически к концепции «нового средневековья», ссылаясь на идею Дж. Вико, который говорил о цикличном ходе истории (*ricorsi*), развивающемуся по спирали на новом уровне [16, с. 369–370], Бицилли тем не менее считал идею «нового средневековья» не совсем ошибочной. Он допускал, что она может быть использована продуктивно, если внимательно изучить значение прошлого для современности.

Например, Бицилли считал важным и полезным обращение к опыту средневекового «корпоративного строя». В средние века общество состояло из различных союзов, которые стремились к автономности. Рыцари, ученые или монахи создавали международные универсальные корпорации, которые были подчеркнута внешне-национальны. В современную эпоху такие корпорации оказались подчинены государству или уничтожены. Однако в недавнее время, по мнению Бицилли, новые корпорации стали выходить из-под гнета государства. Это были, например, профсоюзы и промышленные

тресты, которые стремились к международному сотрудничеству, за рамками одного государства. Обращая внимание на эти процессы, он заключал: «Интернационал рабочих идет на смену Интернационала клириков и магистров» [16, с. 371].

Если сравнивать средние века с современной Европой в сфере культуры, то здесь, как объяснял Бицилли, произошли более радикальные изменения. Средним векам был присущ своего рода «общий культурный стиль» и «единая культура» [16, с. 371], которая, по крайней мере в идеальном ее выражении, являлась в высшей мере комплексной, но также и выстроенной в соответствии с четкой иерархической системой. В ней присутствовали ясные сферы подчинения: «Разума — Интуиции, Знания — Вере, или, что то же, Жизни деятельной — Жизни Созерцательной» [16, с. 372]. Культура же нового времени, напротив, исходила из того, что все аспекты культуры и жизни приобрели равный статус. В итоге, предыдущая «единая культура» распалась на сферу «культуры», с одной стороны, и «цивилизации», с другой. Бицилли подчеркивал, что «в основе современной культуры лежит принцип множественности оценок и, соответственно, — относительной иерархичности» [16, с. 372], что современную жизнь и отношения между людьми теперь регулирует «господство общего права вместо засилья незыблемых привилегий», и что, таким образом, в современную эпоху «демократизация коснулась всех видов человеческой деятельности, всех сфер культуры» [16, с. 372].

Отталкиваясь от вышесказанного, Бицилли видел, что средние века отличались от современности, в первую очередь, своими целями. В то время как «средневековье стремилось осуществить идею <...> человечества, как некоторой высшей индивидуальности, совершеннейшего образа Бога на земле», современное человечество — это «не что иное, как система взаимодействующих личностей и групп» [16, с. 375]; в то время как «средневековое человечество реализовалось в общей молитве, областью общения современного человечества является прежде всего — хозяйство» [16, с. 375].

Бицилли признавал, что подобный критический подход к современности в сравнении с прошлым вызвал в более широком плане «моду» на пессимистические оценки современной эпохи. Эти тенденции Бицилли прослеживал от книги «Прошлое и настоящее» («Past and Present», 1834) британского литератора Томаса Карлейля до своих современников — Освальда Шпенглера и французского писателя Жоржа Дюамеля и его «Сцен из будущей жизни» («Scènes de la vie future», 1930). Сам же Бицилли, хотя и относился критически

к современному ему миру, предостерегал от слишком некритичного видения средних веков, от идеализации их «органического» образа, которого на деле никогда не существовало. Бицилли полагал, что этот образ является в большей степени современной конструкцией, созданной мыслителями Нового времени, начиная с Жозефа де Местра или Анри Сен-Симона, а также романтиками [16, с. 376]. Подводя итоги своим размышлениям, Бицилли высказывал сомнение в том, что средневековый ремесленник жил более благополучно, чем современные рабочие [16, с. 377].

Таким образом, для Бицилли средние века вовсе не были раем органической общественной гармонии. Напротив, наблюдалось частое и порой вредоносное вмешательство одних сфер в другие — например, император мог вмешиваться в дела Папы (и наоборот) и т. п. Определяющей же чертой современной культуры, по мнению Бицилли, являлось именно то, что разные люди, создавая свои собственные «союзы» на основе личных способностей, «делают, каждый, свое дело, не вмешиваясь в чужие и только согласуя, координируя свои деятельности» [16, с. 378]. Отвергал он и сомнения в «бездуховности» современного ему мира и утверждал, что даже крайняя «рационализация» всех возможных для рационализации сфер, «не убивает, сама по себе, непременно “духовного человека”». Скорее, она содействовала «освобождению “духа” от “души” (интеллект) и от “плоти”» [16, с. 378]. В выигрыше, по его убеждению, оказалась индивидуальная личность и ее «внутренняя жизнь», которая получила большую оригинальность и автономность и освободилась от наследственных ритуалов и символов. И даже «церковь», пройдя через распад конфессиональных связей, как «общение “духовных человек»», не умирает»; наоборот, она ныне стала «невидимой», что иногда дает ложный повод характеризовать современную эпоху как «безбожную» [16, с. 379].

Появление национального государства и его распад под напором мирового капитализма

Какую же связь с процессом европейского объединения имеют историософские размышления Бицилли о религии, о средних веках и об их сравнении с современностью?

На самом деле, именно с такой расширенной перспективы Бицилли намеревался «определить и оценить историческое место национального Государства в современной Культуре» [16, с. 379]. Национальное государство, как утверждал Бицилли, не было про-

дуктом модерности. Также не являлось оно и высшей формой развития человеческого сосуществования. Напротив, национальное государство зародилось в борьбе со «средневековой системой» и вышло победителем из этой борьбы. Современное государство одержало победу над церковью, унаследовав ее функции и обязанности. Впоследствии государство прошло секуляризацию и рационализацию, но тем не менее «удержало свою прежнюю символику и свой ритуал» [16, с. 379]. Потерю своей прежней «сверхъестественной», «мифической» власти государство пыталось восполнить, обратившись к новому источнику легитимности: к идее «нации». Отныне все сферы государства стали «национальными»: его границы, его хозяйство, даже «его Воля» [16, с. 379].

Однако этот синтез старой символики и новой национальной «души» государства, оказался фатальным для самой идеи нации, как считал Бицилли. Призванная подкрепить государство новой легитимностью, «нация» в итоге утратила свою собственную символическую силу: «Возникши, как *средство* ограждения и укрепления Нации, Государство кончилось тем, что обменялось с ней ролями: Нация, из самоцели, обратилась в средство» [16, с. 380]. Впоследствии, после того как государство разрушило религиозные основы средневековой государственности, нация все время находилась под государственным давлением. В результате пострадала и сама идея Нации:

В рамках Национального Государства, Национальная идея <...> обездушивается, другими словами, — перестает быть Идеей, овеществляется, умирает [16, с. 380].

Чем более росла экономическая роль и ответственность государства, тем сильнее нация теряла свою метафизическую и духовную суть. Более того, «рационализация экономической жизни», как утверждал Бицилли, поставила на грань разлома и сами рамки национального государства как экономической общности. «Национальные государства сметены победоносным движением Капитализма», — заявлял Бицилли; следуя за германскими учеными Отто Гинце (Otto Hintze) и Вернером Зомбартом (Werner Sombart), он полагал, что современный ему мир уже достиг стадии позднего капитализма (*Spätkapitalismus*), так как «европейскому капиталу приходится считаться с внеевропейским» [16, с. 382]. Именно эти новые условия глобальной экономики, как ожидал Бицилли, приведут «к крушению европейских империй, основанных на господстве той или иной

европейской Нации-Государства» [16, с. 382]. Будущее же принадлежало новым формам федеративной государственности, таким как Международный союз американских республик, который должен был расширяться и преобразоваться в «Пан-Америку», или Британская империя, «которая на деле уже из “Империи” превратилась в федерацию автономных и равноправных государств» [16, с. 382].

Бицилли представлял себе грядущий мир как отмеченный сосуществованием рационально организованных экономических зон и равенством между людьми, которое было основано на рациональной системе гражданских законов. Он предсказывал, что «цивилизованный мир представит собою в конечном счете систему взаимодействующих хозяйственных зон, границы которых будут очерчены вне всякого отношения к их историческому прошлому, или к прошлому их составных частей, чисто “рационалистически”», и ожидал, что в результате индустриализма и урбанизма произойдет и нивелировка бытовых отношений и «унификация права» [16, с. 382–383].

Разделение «нации» и «государства»

Будущее, как был убежден Бицилли, не принадлежало ни национальному государству, ни «Пан-Европе», заключенной в идеях Бриана или Куденхове-Калерги, которую он понимал как механическую федерацию европейских национальных государств. Он полагал, что уже относительно недалекое будущее почти неизбежно принесет с собой исчезновение наций в форме национальных государств. Результатом этого процесса станет трансформация «нации» как государства в «нацию» как «культуру» — прошлую и настоящую. Таким образом, будущая трансформация нации в определенном смысле, повторяла прежнюю трансформацию религии — через «распад конфессиональных связей» к более индивидуальному «общению “духовных человек”» [16, с. 379]⁸.

⁸ Следует указать, что идея Бицилли о будущем разделении государства и нации здесь совпадает с такой же идеей Куденхове, хотя оба автора делают из этого разные выводы: «Каждый культурный человек должен трудиться над тем, чтобы как сегодня религия, так завтра *нация стала частным делом* каждого человека. Будущее *разделение нации и государства* будет таким же великим делом, как и разделение церкви и государства. Понятие “государственного народа (Staatsvolk)” так же изживет себя, как и понятие государственной церкви, и будет заменен принципом: *свободная нация в свободном государстве*». [26, р. 136]. Впрочем, более систематическое сравнение идей Бицилли и Куденхове еще ждет своего исследователя.

На смену государству, как размышлял Бицилли, должны были прийти профессиональные или деловые организации и союзы. Следовательно, «Лига Наций» рано ли поздно должна была превратиться в федерацию фермеров, производителей автомобилей, производителей нефти и т. д. Представители этих организаций, возможно, также заседали бы в Женеве, где располагалась и штаб квартира Лиги Наций, но при этом они представляли бы уже не национальные государства [16, с. 381–383]. Бицилли допускал, что в будущем по-прежнему могли иметь место конфликты между разными группами людей и что эти конфликты даже могут вылиться в вооруженные столкновения. Но в этих столкновениях уже не будут участвовать национальные армии. «Если у Национальных Государств были свои собственные армии, — спрашивал Бицилли, — то почему и нефтяным или железнодорожным “королям” не иметь своих?» [16, с. 385].

Вероятнее всего, Бицилли полагал, что будущие конфликты между экономическими субъектами и зонами будут разрешаться мирным способом. В любом случае, утверждал он, «чистое» хозяйствование будет столь строго рациональным, что никто не рискнет повергнуть судьбу своего треста, своего синдиката, своих рудников» угрозе непредсказуемого случайного развития [16, с. 385].

Что же тогда случится с нацией? Если государство, согласно Бицилли, трансформируется в бизнес-корпорации или профсоюзы и откажется от своих национальных признаков, нация станет воплощением культурного наследия и бессмертных творений классических авторов:

Платон и Гомер живы и по сей день. И они-то, вместе с Данте, Шекспиром и Достоевским образуют подлинное «общество Наций». А то, что теперь носит это название, по всей вероятности, заменится рано или поздно федерацией «хлебобобов», производителей автомобилей, добывателей нефти и т. д. <...> единственной резиденцией «Общества Наций» будет книжная полка грамотного человека [16, с. 383].

Бицилли приводил ряд фактов, которые могли бы подкрепить его видение будущей «утопии». Например, от отмечал тот факт, что величайшая национальная катастрофа его времени, Первая мировая война, наложила не слишком сильный отпечаток на европейские национальные литературы:

Нация, в ее идеальной сущности, Нация, как особый вид коллективной духовной энергии, уже морально оторвалась от своего нынешнего внешнего оформления — Государства [16, с. 384].

Почему же еще, спрашивал Бицилли, величайшие и наиболее выдающиеся произведения современной французской художественной литературы — «Обретенное время» Марселя Пруста, «Подземелья Ватикана» и «Фальшивомонетчики» Андре Жиды, поэмы Поля Валери совсем не касаются событий Великой войны — войны, которая поставила под угрозу существование Франции как национального государства?

Нация, как утверждал Бицилли, будет иметь свое воплощение в «живых» и «творческих» формах общения, таких как личные, частные разговоры людей. Помимо этого, «Нация также будет реализовываться в высших сферах духовной деятельности, — Науки, литературы, философии, религии» [16, с. 386]. Именно в этих сферах будет организовываться общество. А все остальные формы общения будут происходить на основе какого-нибудь искусственного, чрезвычайно рационалистичного и универсального языка. При этом, этот новый «общий» и «насквозь рационализированный» язык, согласно Бицилли, не обязательно должен быть языком в традиционном смысле. Это может быть просто «язык», состоящий из «условных знаков вроде алгебраических, язык иероглифов, в разных местах произносимых по-разному, — а может быть и не произносимых никак» и просто состоять из «сигнализации» [16, с. 386].

Обобщая прошлое и будущее своей «утопии», Бицилли приходит к следующему заключению:

Национальное Государство античного мира совпало с церковью. <...> Государство Средних веков было подчиненной частью Государства-Церкви. Национальное государство Нового времени было секуляризированным государством-церковью. В современной демократии Церковь отделилась от Государства. В «утопии» — от Государства отделится *Нация*, которая сама превратится в общество церковного типа [16, с. 387].

Таким образом, нация освободится от служения государству и вернется к своей изначальной, чисто духовной функции. При этом, в отличие от государства, имеющего свои границы, нация — это не замкнутая в себе единица, а живой участник международного общения. По мнению Бицилли, именно

в духовном общении Наций <...> реализуется Человечество, как неделимое духовное целое, единое в своем многообразии, как живой синтез национальных культур, Grand Être Огюста Конта, — великий,

всеохватывающий организм, возносящий над механизмом отвлеченных «хозяйственных» единиц и их союзов, объединенных в мировом хозяйстве [16, с. 387].

Бицилли видел эту свою «утопию» уже отчасти осуществленной в Соединенных Штатах Америки, где «рационализация хозяйства и всех связанных с ним сторон человеческой деятельности дошла уже до крайних пределов» [16, с. 387–388]. Государство в США все более превращалось в силу, направленную в первую очередь на экономическую деятельность, притом не только внутри собственных границ, но и в «панамериканском масштабе»:

Америка — вся Америка, весь Новый Свет, — все более и более становится *единым* хозяйственно-политическим миром. Параллельно этому хозяйствующее Государство («цивилизация») все более обособляется от Общества («культуры») [16, с. 388].

Безусловно, Бицилли хорошо знал, что и в США с самого момента их основания существовали и национализм, и ксенофобия, направленные против определенных групп иммигрантов, приток которых был регулирован системой различных квот. Но в то же время, утверждал Бицилли, также там присутствовала и другая тенденция:

...что Америка — «Новый Свет», открытый для *всех* людей, *всех* наций, *всех* культур, что американская демократия призвана осуществить их синтез, не поглощая их, не нивелируя, но открывая им пути к свободному самобытному развитию [16, с. 388].

Ссылаясь на книгу «Культура и демократия в Соединенных Штатах» («Culture and Democracy in the United States», 1924) американского философа, германо-еврейского происхождения Горация Каллена (Kallen), Бицилли указывал, «что американский “melting pot” далеко не везде и не всегда выполняет свое назначение: “сплавлять” отдельные народности и их культуры в общую “американскую” массу»; Каллен, по мнению Бицилли, показал, что в Америке, например,

некоторые европейские народы обнаруживают особенно интенсивную деятельность по поддержанию и развитию *их собственных* культур [16, с. 388].

Таким образом, США вполне могли служить примером той «годной» утопии, которую Бицилли в своей статье старался противопоставить «негодной» утопии Бриана и Куденхове. Это была утопия, где государство занималось бы хозяйством в транснациональном масштабе и где нации существовали бы исключительно в культурной сфере. И именно эта утопия, по мнению Бицилли, отчасти уже была реализована в США и ее примеру надо было следовать и в Европе. И такая утопия, заключал он, в любом случае, была «жизненнее Бриановской» [16, с. 388].

Заключение

Размышления Бицилли о будущем европейским объединении сейчас представляются не только оригинальными, но и во многом пророческими. Конечно, современный Европейский Союз не является теми Объединенными Штатами Европы, которые предвидел Бицилли. Также нет сомнения, что он переоценил силу рациональности в экономической сфере и ее способность разрушать национальные государства или предотвращать войны. Но тем не менее он верно предугадал роль именно экономического фактора в преодолении национальной обособленности, в расширении экономического пространства и уменьшении значения национальных границ (по крайней мере внутри Европейского Союза), в достижении более или менее мирного сосуществования людей разных культур внутри традиционных европейских национальных государств и унификации там гражданского права. Также весьма оригинальна и показательна идея Бицилли о том, что «единственной резиденцией “Общества Наций” будет книжная полка грамотного человека». Именно эта идея, на наш взгляд, наглядно свидетельствует о том, что и самого себя Бицилли, видимо, считал не просто «грамотным человеком», но именно гражданином этого европейского «общества наций», а может быть, и гражданином мира. Его статья поражает обилием и разнообразием процитированных книг и авторов. Интеллектуальные собеседники Бицилли — экономисты, писатели, философы, историки, мыслители самых разных направлений. Но кроме того — это авторы самых разных культур и национальностей: греки, немцы, русские, британцы, французы и т. д. Представляется, что сама статья Бицилли — это та самая книжная полка, о которой он писал, и ее автор предстает перед нами весьма «грамотным» европейцем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аль-Матар* С. Счастье в борьбе. Пять писем Якова Новикова Габриэлю Тарду // *Ab Imperio*. 2014. № 4. С. 197–219.
2. *Бирман* М. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // *Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.*
3. *Бирман* М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. *Каганович* Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // *Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.*
5. *Чубарьян* А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.
6. *Чубарьян* А.О. Российский европеизм. М.: Олма-Пресс, 2006. 414 с.
7. *Alleno* K. Un projet de paix perpétuelle. Fédéralisme et pacifisme chez Jacques Novicow // *Relations internationales*. 2013. Vol. 154. № 2. P. 7–20.
8. *Conze* V. Richard Coudenhove-Kalergi. Umstrittener Visionär Europas. Zürich: Muster-Schmidt Verlag, 2004. 108 S.
9. *Europe in Crisis: Intellectuals and the European Idea, 1917–1957*. New York: Berghahn Books, 2012. 350 p.
10. *Neumann* I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London; New York: Routledge, 1996. 253 p.
11. *Rougemont* D. de. *The Idea of Europe*. New York: The Macmillan Company, 1966. 434 p.

Источники

12. *Бицилли* П.М. Избранное. Историко-культурологические работы. София: Издательство на Министерството на отбраната “Св. Георги Победоносец”, 1993. Т. 1. 396 с.
13. *Бицилли* П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
14. *Бицилли* П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.
15. *Бицилли* П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, ре-

- цензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
16. *Бицилли П.М.* U.S.E.? // *Современные записки*. Париж, 1931. Кн. 45. С. 362–388.
 17. *Гюго В.* Речь при открытии Конгресса мира в Париже (21 августа 1849 года) // *Гюго В.* Собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 15. С. 206–214.
 18. *Ленин В.И.* О лозунге «Соединенные Штаты Европы» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической лит., 1969. Т. 26. С. 351–355.
 19. Обсуждение плана Бриана // *Руль*. Берлин, 1929. 11 сентября. № 2673. С. 1.
 20. Организация Европы. Меморандум Бриана // *Руль*. 1930. 20 мая. № 2881. С. 1.
 21. Освальд Шпенглер и Закат Европы: [сб. ст.]. М.: Берег, 1922. 95 с.
 22. План Бриана // *Руль*. 1930. 20 мая. № 2881. С. 2.
 23. Сверхгосударственные объединения // *Руль*. 1928. 28 марта. № 2231. С. 5.
 24. Соединенные Штаты Европы (Доклад А.А. Гольденвейзера) // *Руль*. 1926. 20 мая № 1659. С. 4.
 25. *Троцкий Л.Д.* В порядке международной дискуссии. О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» // *Правда*. 1923. 30 июня. № 144. С. 2.
 26. *Coudenhove-Kalergi R.N.* Pan-Europa. 4. Aufl. Wien: Paneuropa-Verlag, 1926. 169 p.
 27. *Coudenhove-Kalergi R.N.* Paneuropa. Ein Vorschlag // *Neue Freie Presse*. Wien, 1922. 17 November. № 20903. P. 2–3.
 28. Text of Briand's Plan for a European Union. Memorandum on the Organization of a System of European Federal Union // *Current History*. New York, 1930. Vol. 32. P. 1181–1186.

REFERENCES

1. Al'-Matari, S. "Schast'e v bor'be. Piat' pisem Iakova Novikova Gabrieliu Tardu" ["Happiness in Struggle. Five Letters from Iakov Novikov to Gabriel Tarde"]. *Ab Imperio*, no. 4, 2014, pp. 197–219. (In Russian)
2. Birman, M.A. "P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (oчерki i fragmenty)" ["P.M. Bitsilli and the Eurasianists (Essays and Fragments)"], ed. by O. Korostelev, M.Schruba. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisk" (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of "Sovremennye Zapiski" (Paris, 1920–1940)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)

3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]*. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“On the Topic: P.M. Bitsilli and the Eurasianists”], ed. by O. Korostelev. *Diaspora: Novye materialy [Diaspora: New Materials]*, issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. (In Russian)
5. Chubar'ian, A.O. *Evropeiskaia ideia v istorii. Problemy voyny i mira [The European Idea in History. Problems of War and Peace]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1987. 352 p. (In Russian)
6. Chubar'ian, A.O. *Rossiiskii evropeizm [Russian Europeanism]*. Moscow, Olma-Press Publ., 2006. 414 p. (In Russian)
7. Alleno, K. “Un projet de paix perpétuelle. Fédéralisme et pacifisme chez Jacques Novicow”. *Relations internationales*, vol. 154, no. 2, 2013, pp. 7–20. (In French)
8. Conze, Vanessa. *Richard Coudenhove-Kalergi. Umstrittener Visionär Europas*. Zürich, Muster-Schmidt Verlag, 2004. 108 S. (In German)
9. *Europe in Crisis: Intellectuals and the European Idea, 1917–1957*. New York, Berghahn Books Publ., 2012. 350 p. (In English)
10. Neumann, Iver B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London, New York, Routledge Publ., 1996. 253 p. (In English)
11. Rougemont, Denis de. *The Idea of Europe*. New York, The Macmillan Company Publ., 1966. 434 p. (In English)

Дата поступления статьи: 31 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 24 января 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 July 2021

Approved after reviewing: January 24, 2022

Date of publication: December 26, 2024